

ДЕЛО I
СЕРЕБРЯНЫЙ

— Боюсь, Ватсон, мне придется уехать, — сказал однажды утром Шерлок Холмс, когда мы сели завтракать.

— Уехать? А куда вы собираетесь?

— В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Признаться, меня это вовсе не удивило, напротив, ведь до сих пор я терялся в догадках, почему это мой друг никоим образом не принимает участия в расследовании этого сенсационного дела, которое взбудоражило всю Англию. В последнее время он только то и делал, что расхаживал взад-вперед по нашей гостиной, с хмурым видом глядя в пол, и, выкурив очередную трубку, тут же снова заправлял ее самым крепким черным табаком. На любые мои вопросы или попытки втянуть его в разговор Холмс просто не обращал внимания, словно и не слышал их вовсе. Свежие номера газет, поставляемые нашим почтовым агентом, он лишь бегло просматривал, после чего бросал в угол. Впрочем, каким бы замкнутым и молчаливым он ни был, я прекрасно понимал, о чем мой друг так напряженно думает. В те дни у всех на устах было лишь одно дело, достойное применения его аналитических способностей, а именно: загадочное исчезновение лошади, считавшейся фаворитом Кубка Уэссекса, и жестокое убийство ее тренера. Так что когда Холмс объявил о своем намерении съездить туда, где развернулась

эта драма, я был к этому не только готов, но даже, можно сказать, вздохнул с облегчением.

— Знаете, я бы с удовольствием составил вам компанию, если, конечно, это не помешает вашим намерениям, — сказал я.

— Дорогой Ватсон, вы окажете мне честь, если поедете со мной. К тому же, я думаю, ваше время не будет потрачено попусту, поскольку дело это представляется мне исключительно интересным, я бы даже сказал, единственным в своем роде. Мы, кажется, как раз успеваем в Паддингтон на нужный поезд. Едем, по дороге я подробнее расскажу вам о деле. Да, и захватите ваш полевой бинокль.

Вот так и получилось, что уже через час или около того мы с Шерлоком Холмсом сидели в вагоне первого класса поезда, который мчал нас в Эксетер. Мой друг углубился в изучение свежих газет, которые ему удалось раздобыть на вокзале Паддингтон, и мне почти не было видно сосредоточенного лица Холмса из-под козырька его дорожного картуза с отворотами. Мы уже давно миновали Реддинг, когда Шерлок Холмс наконец отправил последнюю газету под сиденье и протянул мне портсигар.

— Хорошо едем, — заметил мой друг, поглядывая то на часы, то в окно. — Сейчас наша скорость пятьдесят три с половиной мили в час.

— А я не заметил ни одного дорожного указателя с расстоянием, — сказал я.

— Я тоже. Но мне известно, что на этом участке железной дороги между телеграфными столбами шестьдесят ярдов, так что подсчитать скорость — пара пустяков. Вы, очевидно, уже слышали об убийстве Джона Стрейкера и исчезновении Серебряного?

— Да, я читал об этом в «Телеграф» и «Кроникл».

— Это как раз одно из тех дел, при работе над которыми дедуктивный метод лучше применять для тщательного анализа уже известных фактов, чем для поиска новых. Случив-

шаяся трагедия столь необычна, запутана и к тому же коснулась такого большого количества людей, что вызвала целую лавину гипотез, подозрений и предположений. Самое трудное теперь — вычленив реальные, неоспоримые факты из шелухи умозаключений и догадок полицейских и репортеров. Имея такую базу под ногами, мы обязаны понять, с какой стороны подходить к этому делу, каковы основные факты, вокруг которых крутится эта загадка. Во вторник вечером я получил две телеграммы, от полковника Росса, владельца лошади, и от инспектора Грегори, который ведет это дело. Оба они просят меня принять участие в расследовании.

— Во вторник вечером! — воскликнул я. — Но ведь сегодня уже утро четверга. Почему вы не поехали туда вчера?

— Потому что я совершил грубую ошибку, дорогой Ватсон... Боюсь, это случается со мной намного чаще, чем думают те, кто судит обо мне исключительно по вашим рассказам. Понимаете, я был уверен, что самого известного в Англии жеребца невозможно так долго скрывать, особенно в такой малонаселенной местности, как север Дартмура. Вчера весь день я прождал известий о том, что скакуна нашли и его похитителем оказался убийца Джона Стрейкера. Однако сегодня утром мне стало известно, что кроме ареста молодого Фицроя Симпсона ничего так и не было сделано, и я почувствовал, что настало время действовать. Но, знаете, мне все же кажется, что вчерашний день не прошел зря.

— У вас появилась версия?

— По крайней мере, я понял, какие факты в этом деле являются главными. Я перечислю их вам, потому что ничто так не способствует пониманию дела, как рассказ о нем другому человеку. К тому же вряд ли я могу рассчитывать на вашу помощь, не указав вам отправных точек, с которых начнется наше расследование.

Я откинулся на подушки и, попыхивая сигарой, стал слушать Холмса, который, подавшись вперед и водя длинным

тонким указательным пальцем по левой ладони, в общих чертах набросал план событий, приведших к нашей поездке.

— Серебряный — потомок знаменитого Сомоми, — говорил он, — и ни в чем не уступает своему прославленному предку. Ему пять лет, и он уже несколько раз подряд приносил своему счастливому владельцу, полковнику Россу, главный приз на скачках. До того как случилась катастрофа, он считался главным претендентом на первое место Кубка Уэссекса при ставках три к одному в его пользу. Надо сказать, что Серебряный всегда был фаворитом и никогда не подводил своих почитателей, которые даже при наличии серьезных конкурентов ставили на него огромные суммы. В общем, вполне очевидно, что нашлось бы множество людей, которым было бы на руку, если бы в следующий вторник Серебряный не вышел на беговую дорожку.

Разумеется, об этом догадывались и в Кингс-Пайленде, где находится конюшня и тренировочная база полковника, поэтому фаворита охраняли очень тщательно. Тренер, Джон Стрейкер, — сам бывший жокей. Он выступал в форме цветов полковника Росса, пока не стал слишком тяжелым для седла. Стрейкер пять лет служил у Росса жокеем, семь лет тренером и проявил себя как преданный и честный слуга. Поскольку конюшня маленькая, всего-то четыре лошади, под началом Стрейкера работали лишь три человека. Один из этих троих обязательно оставался на ночь при лошадях, остальные двое спали наверху на сеновале. Все — хорошие работники, жалоб на них не было. Джон Стрейкер был женат и жил в двухстах ярдах от конюшни на небольшой вилле. Детей у него не было; он держал служанку. Рабочий день Стрейкера заканчивался рано, в общем, можно сказать, что жилось ему там неплохо. Местность вокруг конюшни очень пустынная, но около полумили к северу есть несколько вилл, построенных каким-то подрядчиком из Тавистока для инвалидов и тех, кто приезжает подышать чистым дартмурским воздухом. Сам Тависток находится где-то в двух милях к за-

паду от Кингс-Пайленда, кроме того, за болотами, на расстоянии тоже около двух миль расположена другая конюшня, побольше, которая принадлежит лорду Бэкуотеру. Тамошнего управляющего зовут Сайлес Браун. В остальном же вся округа — совершенно пустынное место, там обитает лишь кучка кочующих цыган. Вот что представляло из себя до прошлого понедельника, когда случилась беда, то место, в которое мы направляемся.

В тот вечер с лошадьми, как обычно, провели тренировку, потом помыли и в девять вечера заперли в конюшне¹. Двое работников отправились в дом тренера, где они всегда ужинали, а третий, Нэд Хантер, остался при лошадях. В начале десятого Эдит Бакстер, служанка, принесла ему ужин, кусок баранины в карри. Никакого питья она не брала, поскольку в конюшне имеется кран с питьевой водой и ничего другого дежурному пить не полагается. Служанка несла с собой фонарь, потому что дорога от виллы тренера до конюшни проходит по открытому торфянику, да и было уже довольно темно.

Эдит Бакстер оставалось пройти до конюшни каких-нибудь тридцать ярдов, когда из темноты появился и окликнул ее какой-то мужчина. Когда он вступил в круг света, отбрасываемый ее фонарем, служанка увидела, что это степенный

¹ Ляпус автор. Скаковых лошадей всегда тренируют и купают по утрам, а не вечером. На это писателю указали еще первые читатели рассказа. «Иногда в силу недостаточного знания точной обстановки я попадал впросак. Например, я никогда не увлекался скачками и, однако, решился написать “Серебряного”, в котором вся тайна построена на правилах выезда и скачек. С рассказом было все в порядке, а Холмс, возможно, там был в лучшей своей форме, но мое невежество было вопиющим. В одной спортивной газете я прочел блестящую разгромную статью, явно написанную знающим человеком, где он объяснял точную меру наказаний, которые должны были постигнуть всех, кто действовал так, как я описал. Половина из них оказалась бы за решеткой, а другой вообще больше не разрешили бы участвовать в бегах» (Конан Дойл А. Воспоминания и приключения... — С. 114). (Здесь и далее примеч. А. Краснящих).